

ФИЛИН С ЖЕЛЕЗНЫМ КРЫЛОМ

КОГДА
ТЬМА –
ЧАСТЬ
ТЕБЯ

АННА
МИРОВИЧ

Анна Минович
Филин с железным крылом
Серия «Охотники за мирами»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66114418
Филин с железным крылом: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-157454-3*

Аннотация

В мире, лежащем на спине Великого Кита, каждый год приносят в жертву двенадцать девушек, чтобы избежать катастрофы. Подземелье пирамиды Ауиле поглощает их жизни. Святые. Мученицы. Спасительницы мира. Так их называют.

Одной из избранных становится Антия, бывшая принцесса Таллерии. И ей нужно выжить, чтобы вернуть себе корону отца.

Помочь в этом может только Верн, филин-оборотень, который однажды прошел через подземелье и отыскал путь назад. Но его тайны гораздо темнее, чем кажутся.

Содержание

I	6
II	41
III	71
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Анна Минович

Филин с железным крылом

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Минович А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

* * *

Я люблю романы-путешествия – из них никто уже не вернется прежним, ни герои, ни читатели. Эта книга – прекрасный и завораживающий вариант такого

путешествия. Вы готовы рискнуть?

*Елена Булганова, автор циклов «Вечники», «Навия»,
«Инсомния»*

I

Двенадцатая жертва

Что было, кроме тьмы? Антия не знала.

Это был сон – но она не могла сказать наверняка.

Когда во мраке что-то пришло в движение, Антия даже обрадовалась. Она с детства боялась темноты – с того позднего вечера, когда Бриннен, один из офицеров королевской охраны, уводил ее через беспросветный подземный ход из дворца, захваченного мятежниками. Тогда Антия цеплялась за его сухую твердую руку и ей казалось, что откуда-то сверху долетают голоса отца, матери и брата, которых убивали в их спальнях.

Тьма спасла ее. Но Антия до сих пор не могла справиться со страхом. Он всегда оставался рядом с ней.

Вокруг клубился мрак – но вот в нем затеплились едва заметные зеленоватые огоньки, как над старыми могилами. Антия увидела каменную плиту и лежащего на ней человека. Бледная кожа была усеяна причудливыми татуировками, длинноносое некрасивое лицо казалось торжественным и строгим, и в его чертах было что-то, делавшее его похожим на хищную птицу. Человек шевельнулся, просыпаясь, и Антия испугалась, что сейчас он увидит ее. Почему-то она была уверена, что тогда ее не ждет ничего хорошего.

Человек сел, медленно провел ладонью по черным волосам. Тотчас же зеленоватый сумрак пришел в движение: к плите выбежали люди в зеленых халатах, которые могли быть только слугами, – слишком уж угодливо они склонялись в поклоне, слишком уж торопливо помогали человеку на плите подняться. На острые плечи лег темный плащ, и Антия готова была поклясться, что через мгновение он превратился в крылья. Она увидела, как дрогнули сверкающие перья и по ним побежали искры.

– Пора, владыка! – зашелестели голоса со всех сторон. – Пора!

– Я слышу, – глухо откликнулся человек. В его голосе Антии послышался шорох сухих ветвей и опавших листьев. – Я уже здесь.

Он открыл глаза, и прямо в лицо Антии заглянула черная пустота. Нахлынул ужас, такой густой, что она перестала дышать.

«Проснуться», – приказала себе Антия и не смогла. Человек смотрел ей в лицо, и его взгляд был словно прикосновение холодных пальцев к коже.

Так могла бы смотреть смерть.

– Владыка Ардион, пора! – услышала Антия еще один голос. В нем за решимостью звучал страх. – Все пришло в движение.

– Я знаю, – отозвался Ардион и наконец-то перевел взгляд в сторону. Антия вздохнула. – Я готов. Когда Солнечный

Кормчий сбросит демонов с неба, мы сможем их встретить.

И Антия наконец-то смогла проснуться.

За окнами шумел сад. Пахло свежей землей и водой – недавно прошел дождь, и последние капли еще стучали по подоконнику. Антия выскользнула из-под тонкого домотканого одеяла и выглянула в окно. Над городом вставал свежий рассвет, но все еще спали. Не звали на завод гудки, не ворчали на дорогах мобили, не трещали ставни, открывая витрины магазинов и банков. Только лениво плыли в небе спасательные дирижабли, да над ступенчатой пирамидой Ауиле курился легкий дымок.

Жрецы всегда бодрствуют. Их молитвы держат Великого Кита на плаву, и он не ныряет в Мировой океан, чтобы уничтожить людей.

Вот только иногда этого недостаточно. Иногда Кит приходит в движение, и тогда трясутся города и страны на его спине, и надо выбирать жертв, чтобы все стало по-прежнему.

Антии казалось, что она все еще чувствует на своем лице чужой взгляд. Она вздохнула, похлопала себя по щекам и пошла умываться.

«Спится и снится». Дядя Бриннен всегда это говорил.

Приведя себя в порядок, Антия отправилась одеваться. Когда-то она носила пышные платья из дорогих тканей и украшения на шее и в волосах, как и полагается принцессе, и все это невероятно раздражало. Прикосновения рук нянь и служанок, которые ее одевали, заставляли Антию ежиться

– няня, помнится, всегда качала головой и приводила в пример других девочек, которые любят шелк и бархат, а за такие золотые браслеты душу бы продали. Антия всегда мечтала, что однажды сбросит эти побрякушки и тряпье и будет жить по-своему: вот и сбылась ее мечта, пусть и не так, как ей хотелось. Теперь Антия носила простую светлую рубашку, штаны и жилет. Сандалии сменили туфельки на каблучках, и так было намного удобнее.

Заплетя пушистые каштановые волосы в простую косу с зеленой лентой, Антия бросила последний взгляд в старое темное зеркало. Отражение напомнило сказочную русалку в зеленоватой воде, и Антия вспомнила, как мама говорила, что брови надо будет выщипывать, а на щеках не должно быть ни капли румянца. В конце концов, ее дочь принцесса, а не простолюдинка. Но брови Антии не знакомы с щипчиками, глаза сверкают энергично и весело, а на щеках и носу, которые давно забыли о том, что такое пудра, щедро рассыпаны веснушки. Да, ей далеко до настоящей принцессы.

Подмигнув своему отражению, Антия спустилась по скрипучей лестнице на первый этаж, в тесную кухоньку, пропахшую специями, и принялась варить кофе в старой джезве. Выходило солнце, несло новый день и новые заботы. Глядя на язычки огня, она думала о том, что сегодня надо было сделать. Перво-наперво забрать лекарства для дяди Бринне-на в алхимическом квартале. Врач сказал, что проблемы с почками могут плохо кончиться, поэтому денег жалеть нель-

зя. Потом сбегать на рынок и решить, что можно купить на семь серебряных львов. Потом...

Антя выключила горелку, сняла с крючка свою чашку и, плеснув кофе, подумала, что все могло быть по-другому, если бы ее отец-король внимательнее выбирал себе друзей. Мать была бы жива. Брат был бы жив. А она сама не работала бы помощницей в следственном агентстве, а, допустим, училась бы в университете. Принцессы из новой династии учатся.

Но о каких университетах может идти речь, когда семь серебряных львов надо растянуть на неделю?

Антя давно забыла о своем прошлом, но раз в год, весной, на нее вдруг накатывала тоска.

Антя выделяла на нее ровно четыре минуты, а затем брала себя в руки и шла работать.

Почему-то кофе сегодня горчил. И ощущение чужого взгляда не пропадало.

Владыка Ардион. Солнечный Кормчий и демоны с неба.

Антя так и не могла понять, почему ей до сих пор настолько страшно.

Данк Джаккен, хозяин детективного агентства, был на-

столько жирен, что Антия иногда задавалась вопросом, как у него получается проходить в двери. На последней войне он получил две пули в грудь, медаль за отвагу и привычку говорить исключительно матом. Антия давно привыкла, что в речи начальника цензурными были только предлоги и союзы.

– Так вот, сейчас поезжай в Мелатон, – мысленно перевела она распоряжение Джаккена на обычный язык. – Найдешь там кабачок «Свинья и сковорода», в кабачке будет сидеть Папаша Хенрик. Он уже два дня там обедает, значит, и на третий явится. Здоровила такой, бородища рыжая. Поинтересуйся у него, когда он, скотина такая, перестанет прятаться от жены и детей. Если начнет, кидай метку. Он долго умудрялся скрываться от заказчиков, а я его наконец-то вычислил.

Антия кивнула. Она уже успела забрать лекарства и купить на семь серебряных львов два больших пакета с крупой, овощами и тощими курами и теперь была готова к подвигам.

– Поинтересуюсь, – ответила она. – Брошу. Деньги?

Джаккен недовольно закричал и швырнул ей монетку. Антия ловко поймала ее на лету. Надо же, золотой лев. Вряд ли Папаша Хенрик просто прячется от своей законной мегеры, ой вряд ли.

– Экая ты меркантильная, Антия, – буркнул Джаккен. – Вся в родителя своего, тот тоже с народа шерсть срезал вместе с мясом.

Антия подбросила монету на ладони и холодно пригрозила:

– Сейчас сам туда поедешь, понял?

Джаккен только махнул жирной рукой.

– Иди давай уже. Вот народ, шаг по монете, нет бы из уважения...

Антия выскользнула на улицу и, показав кукиш грязной двери с покосившейся вывеской, двинулась в сторону Мелатона. Она всегда вздыхала с облегчением, когда выходила из тесного кабинета Джаккена, где нечем было дышать от пыли, а папки с завершёнными делами громоздились неаккуратными стопками, которые так и норовили свалиться на голову. Можно было бы нанять маршрутный мобиль, но Антия решила сэкономить. Да и вряд ли кто-то захочет ехать почти из центра в криминальный район, где могут прирезать просто за косой взгляд.

Конечно, ей очень повезло. Новый государь знал, что принцесса сбежала, знал, где и с кем она живет. Раньше Антия поражалась тому, почему ее оставили в живых – потом дядя Бриннен рассказал, что незадолго до переворота Эвион поклялся перед Небом, что если победит, то никогда и никого не казнит – даже детей прежнего короля.

Он лукавил, конечно. Если бы Антия не смогла сбежать, ее бы убили точно так же, как родителей и брата. Но зачем пачкать королевские руки, когда жизнь в трущобах сама расправится с Антией – мало ли таких девчонок умирает по тем-

ным углом от болезней, грабителей и насильников?

Но они живы. Это хорошо. Антия не забывала напоминать себе об этом.

По меркам Мелатона «Свинья и сковорода» была вполне пристойным заведением. Антия скользнула в двери, нырнула в облако запахов старого масла, сивухи и жареной картошки и увидела угрюмого типа с рыжей бородой веником, который со знанием дела расправлялся со стейком. Одного взгляда хватило, чтобы понять: тут обязательно будут проблемы, и не просто так Джаккен расщедрился на орла.

Антия подошла, не дожидаясь приглашения, села за стол и спросила:

– Ну что, папаша? Детки плачут, жена домой ждет, а ты?

Нож, которым Папаша Хенрик пластал стейк, вонзился в столешницу с такой скоростью, что Антия даже не успела испугаться: просто подумала, что он отсек ей палец. Лезвие вошло аккуратно между указательным и средним пальцами; Антия убрала руку и поинтересовалась:

– Ты со всеми такой резкий, Папаша?

– Передай тем, кто тебя послал, – Папаша Хенрик с усилием вынул нож из стола и снова принялся резать мясо, – чтобы больше не посылали. Я ушел от всех дел. Зелья больше не варю. Всем остальным буду совать этот нож в правый глаз.

Вот, значит, как. Антия подумала, что Папаша Хенрик промышлял изготовлением наркотиков. Детки – это потребители, а жена – главный заказчик. Джаккен никогда не го-

ворил прямо.

– Извини, – развела руками Антия. – Это моя работа. Ничего личного.

Она бросила метку быстрее, чем Папаша Хенрик вонзил нож в столешницу. Зеленое пятнышко расцвело над головой Хенрика – магический знак, который всегда будет показывать, где находится человек. Его никак не смыть и не уничтожить. Теперь Хенрику не спрятаться: те, кто его ищет, уже заметили его и встали на след.

В следующий миг Антия уже выбегала из кабака – Папаша Хенрик, грохоча сапожищами, несся за ней. Метку не удалить. Ему просто хотелось выместить злобу на Антии, пока его не взяли. Она помчалась по улице, перепрыгнула через клумбу, вбежала в арку покосившегося трехэтажного дома, вырвалась в проулок.

– Стоять, тварина! – донесся из-за ее спины рев, и брошенный нож, захваченный из «Свиньи и сковороды», царапнул Антию по плечу.

– Ага, сейчас, – выдохнула она и лишь прибавила ходу. Дядя Бриннен научил ее бегать вот так, как желтая антилопа: не теряя скорости, не уставая, контролируя дыхание и биение сердца. А вот Папашу Хенрика никто бегать не учил, и постепенно он стал выдыхаться. Антия обогнула старуху с металлическим ящиком, которая продавала горячие пирожки, и услышала грохот и брань: Папаша Хенрик врезался в продавщицу и ее товар.

Вот и замечательно. Упал – отстал.

Антя еще попетляла по городу, убедилась, что за ней больше не гонятся, и дальше пошла уже спокойно. Задание выполнено. Можно не торопиться.

Вскоре угрюмые домишки Мелатона, которые смотрели на мир мутными бельмами окон, остались позади. Антия вышла в Хорнтон, приличный район с большим парком, банками и магазинами, и побрела мимо витрин, рассматривая товары. Вот ювелирный, и его витрина похожа на сказочную пещеру с сокровищами. Вот магазин модной одежды: и как, интересно, можно ходить в платьях с такими шлейфами и бантами? Должно быть, можно: это место не жаловалось на недостаток покупателей, вот они входят с горящими от нетерпения глазами и выходят с бумажными пакетами в руках. А вот ларек с горячей едой – банковские клерки покупают мясо с овощами в лепешке и с важным видом обсуждают сделки. Они всегда забавляли Антию: черные костюмы с белыми рубашками делали их похожими на пингвинов. Она остановилась возле пузатой тумбы, на которую мальчишки приклеивали огромный плакат. «День спасительниц» – красные буквы так и бросались в глаза.

Кажется, сердце пропустило удар. «Как я могла об этом забыть?» – устало подумала Антия.

Мир людей лежит на спине Великого Кита, который замер на поверхности Мирового океана. Но иногда Кит все-таки приходит в движение. Антия помнила, как десять лет назад,

незадолго до убийства родителей, Кит проснулся и вздрогнул – тогда половину столицы разметало по камешку, и от левого крыла дворца, с его прекрасными статуями, высокими окнами и башенками, остались только развалины.

Каждый год жрецы отбирали двенадцать девушек, чтобы отправить их в подземелье. Когда двенадцать жертв сходили по ступеням вглубь пирамиды, Великий Кит принимал их, и его сон делался глубже. Он не погружался в океан, не плыл, не вздрагивал. Двенадцать дев спускались в подземелье и гибли, чтобы все остальные могли жить.

Святые. Мученицы. Спасительницы мира.

Антии было шестнадцать. Ее еще могли отобрать для церемонии.

Она медленно побрела дальше, стараясь отвлечься. Да, близок очередной день искупления. Да, жрецы снова выберут двенадцать дев – и их родители потом будут жить в богатстве и славе. Как же, семья святой, которую отправили во мрак. Да...

«Нет, – подумала Антия, словно кто-то мог ее услышать. – Нет, я не могу. У меня дядя Бриннен, он же останется один. И там совсем темно».

– Куда прешь! – закричали справа. Антия шарахнулась в сторону – задумавшись, она не заметила, как сошла на мостовую и едва не попала под колеса маршрутного мобиля. Водитель высунулся, погрозил ей кулаком – Антия скорчила ему рожу и пошла дальше. Через несколько кварталов бу-

дет синема – недавнее удивительное изобретение. Ни капли магии, только движущиеся картинки на белой ткани экрана: пару недель назад они с дядей Бринненом ходили смотреть фильм, и Антия заорала от страха, когда прямо на нее выехал поезд. Она почти сразу же поняла, что это просто живая картинка, и ей до сих пор было стыдно вспоминать свой тогдашний страх. У нее есть деньги и время, можно было зайти и посмотреть новый фильм.

Правой руке вдруг сделалось горячо. Антия опустила глаза, уже зная, что увидит, и не веря в это. Золотые линии проступали на загорелой коже, перечеркивали просвечивающие полоски вен – на запястье расцветала метка жрецов. Такая же сейчас проступала сквозь кожу у еще одиннадцати девушек по всей Галлерии.

– Нет... – бессильно выдохнула Антия. – Нет, пожалуйста, нет. За что?

Мальчишки, которые наклеивали плакаты, обернулись на нее.

– Джен, ты глянь, – оторопело пробормотал один. – Выбрали уже! Святая!

Сердце Антии рухнуло куда-то во тьму. Глазам было больно смотреть. Она принялась отчаянно тереть по метке – понимала, что ее не счистить, но не могла остановиться.

Неужели это все? За что?

Антия хотела заплакать, но слез не было.

– Святая, – повторил второй мальчишка и проворно опу-

стился на колени.

Анття добралась до дома через час. Запястье жгло, она все терла и терла метку, и люди, которых она встречала на пути, благодарно кланялись ей. Кто-то дотронулся до края одежды. Кто-то вставал на колени. Кто-то подвел круглощекое малыша для благословения, и Анття отшатнулась от него, как от чумного.

– Святая! – услышала она, и слово хлестнуло ее, как кнут. На мгновение Антию накрыла злость. Они-то все останутся живы. Эта женщина так и будет продавать яблоки, эти дети в дорогих костюмчиках так и будут гулять со своей нянюшкой, этот молодой клерк так и будет полировать свой мобиль в свободное от службы время.

А ее бросят во мрак, чтобы мир устоял. О ней забудут, как только закончится церемония.

Метка не стиралась.

Возле дома Анття увидела несколько мобилей с королевскими гербами на дверях – черные, сверкающие, они были похожи на притаившихся хищников. Уже пришли. Быстро же.

На негнущихся ногах Анття поднялась по лестнице, толк-

нула дверь и услышала:

– ...мы обеспечим вас всем, что понадобится. Новые протезы, я полагаю? Дом получше? Мобиль? Министерская пенсия?

В доме было не протолкнуться. Какое-то время Антия видела только черные с золотым мундиры чиновников. Вот за спинами мелькнул алый язык жреческого одеяния – и эти тоже здесь. Пришли забрать жертву.

– Да, это не помешало бы, – Антия даже удивилась тем ноткам, которые прозвучали в голосе дяди Бриннена. Это говорил офицер, прошедший войну, а не жалкий калека, который пересчитывал монетки, чтобы дотянуть до очередного скудного пенсионера. – Когда Антию заберут?

Алая мантия шевельнулась, и все люди, набившиеся в комнату, обернулись и, увидев Антию, опустились на колени, склонив головы. Антия видела, какие почести оказывают святым девам, но никогда не думала, что окажется на месте одной из них.

Дядя Бриннен остался стоять. Седой, угрюмый, долговязый, с глубоким шрамом на смуглой щеке, он опирался на трость, и было видно, что ему тяжело и горько. Антия не поняла того взгляда, которым он смотрел на нее.

– Здравствуйте, Антия. – Жрец был молодым, но, судя по количеству браслетов на руках, уже успел занять очень высокое положение. Возможно, именно он толкнет Антию в спину, отправляя в подземелье. Антия почти чувствовала его

холеную тонкую руку у себя между лопаток. – Мы рады восславить одну из избранных дев, которая спасет наш мир. Наша благодарность вам невыразима. Ваш великий подвиг навсегда останется в наших сердцах.

В носу защипало. С каким удовольствием Антия сейчас сгребла бы эту алую ткань, тряхнула бы этого служителя Неба и прошипела в его светлокжее равнодушное лицо: «Я жить хочу, сволочь ты такая! Жить, а не подыхать во тьме!»

Дядя Бриннен мазнул пальцем по кончику носа. Это был их давний знак: делай вид, что все в порядке, я знаю, как нам быть.

«Ничего ты не знаешь, дядя Бриннен», – с горечью подумала Антия и сказала с тем королевским достоинством, которое все-таки умудрилась сбересть за годы жизни в трущобах:

– Это неожиданно.

Жрец прикрыл глаза. Кивнул.

– Я понимаю, Антия. И во многом разделяю ваши чувства. Эвион, владыка Таллерии, не оставит вашу семью. Ваш воспитатель до конца своих дней будет обеспечен всем необходимым. Он разделит все почести, которые полагаются вам.

– Они не вернут ему ноги, – сдержанно ответила Антия. – Я сейчас хочу побыть со своим дядей, если вы не против. Когда все начнется?

Она вдруг подумала, что столько людей приходит потому, что избранная дева может начать сопротивляться и ее по-

надобится вразумить чем-нибудь тяжелым поперек спины. Вряд ли есть те, кто с песнями отправляется по ступеням во мрак, – значит, придется применить силу.

– Через три дня, – произнес жрец. Антии показалось, что он вздохнул с облегчением. – Завтра утром за вами приедут, чтобы забрать в пирамиду Ауйле и подготовить ко дню Искупления.

Дядя Бриннен кашлянул, привлекая к себе внимание, и поинтересовался:

– Что будет, если Антия пройдет подземелье до конца и вернется?

Улыбка разрезала лицо жреца. «Пусть надеется, – словно бы говорила она. – Никогда нельзя отнимать надежду, хотя все мы понимаем, что жертва не вернется. Жертвы никогда не возвращаются».

– Если дева проходит подземелье и выходит из ворот на Белых скалах, – ответил он, – то ее благословляет само Небо. Она получит все, что пожелает, и никто не посмеет ей отказать, чего бы она ни попросила.

Дядя Бриннен снова почесал кончик носа.

– Я понимаю, – кивнула Антия. Конечно, она пройдет подземелья! Кто же может в этом сомневаться! Ей хотелось выть от страха. – Оставьте нас, пожалуйста.

Гости отнеслись к просьбе с пониманием и ушли.

Когда мобили отъехали от дома, Антия наконец-то смогла вздохнуть глубже. Цепи, словно обхватившие ее, на какое-то

время ослабили хватку. Дядя Бриннен со вздохом обнял ее, она уткнулась лицом в его грудь и отчетливо, до сердечной боли поняла, что это конец.

Три дня.

Все.

– Ну будет, маленькая, будет, – мягко проговорил дядя Бриннен, глядя Антию по голове. От его клетчатой рубашки пахло табаком и дешевым мылом. – Ты хорошо разобрала, что он сказал? Дева, которая пройдет подземелье до конца, получит все, что пожелает. Ты вернешь себе корону своего отца, слышишь?

Антия отстранилась, удивленно посмотрела ему в лицо. Бредит? Вроде непохоже.

Какая корона ее отца? Ей осталось жить три дня!

– Подземелье, дядя Бриннен, – прошептала она. – Никто оттуда не возвращался. Никто. И я тоже не вернусь.

Дядя Бриннен лукаво улыбнулся – так, как улыбался, когда показывал маленькой Антии теневые силуэты на стене их прежней квартиры.

– А я знаю человека, который их прошел, – произнес он. – И этот человек нам поможет.

Яблоневый сад шелестел листвою, кружевная тень лежала на траве, в ветвях беспечно щебетали птицы. Между деревьями растянулся гамак, и с дорожки было видно, что лежащий в нем человек занят делом. Золотое перо так и порхало в его руке, покрывая ровными строчками желтый лист блокнота. Шагая следом за дядей Бринненом, Антия слышала, как негромкий спокойный голос диктует:

– Здесь зима, над окнами моей камеры навис гребень сосулук, и это все, что я могу видеть сквозь маленький квадрат окна. Знаешь, в этом месте я невольно задумался о том, как редко раньше смотрел по сторонам и видел настоящее: зиму, капли, что срываются с сосулук, твои глаза...

Антия услышала усмешку. Похоже, незнакомец был собой доволен. Писатель, кажется. Если так, то он миновал подземелья только в своих фантазиях.

Они подошли к гамаку, и Антия наконец-то увидела того, кто, по словам дяди Бриннена, прошел подземелья и вернулся. Кожа выглядела очень бледной, словно не знакомой с солнцем, растрепанные каштановые волосы, казалось, давно забыли, что такое ножницы парикмахера, правый глаз закрывала черная бляха на тонком шнурке, темную рубашку и такие же темные штаны во множестве украшали разрезы и металлические бляшки, делая одежду похожей на лохмотья, – в последнее время это вошло в моду среди молодых и обеспеченных жителей Таллерии. Лицо, вопреки общему разгильдяйскому виду, оказалось вполне располагающим и

интеллигентным.

Брату Антии, Марку, сейчас было бы двадцать четыре. Хозяин сада и гамака выглядел его ровесником.

– Привет, Верн, – сказал дядя Бриннен. – Как поживаешь?

Верн отложил блокнот и перо в траву. Антия готова была поклясться: он не спускался в подземелья. Такие, как он, там не выживут – она успела повидать достаточно разных людей, чтобы научиться делать выводы. Люди, похожие на этого Верна, обычно проводят время в кабаках и опиумных курильнях, а не ищут приключений на изношенный организм.

– Привет, Бриннен, – улыбнулся Верн. – Пальцы ноют на погоду, хотя их уже давно нет.

Только сейчас Антия поняла, что вместо правой кисти у Верна стоял протез – намного лучше тех, что были у дяди Бриннена, – он почти не отличался от настоящей руки. Неужели Верн тоже был на войне?

Дядя Бриннен понимающе кивнул.

– Слышал о нашем несчастье?

Верн усмехнулся. Взглянул на Антию, и она вдруг почувствовала, что падает. Темно-серый глаз смотрел, казалось, в самую глубину ее души и видел то, что Антия скрывала от самой себя, все ее страхи и надежды, все ее мечты и всю боль.

Она машинально оперлась о теплый яблоневоый ствол.

– Разве это несчастье? – спросил Верн. – Вон хоть на моих соседей посмотри. Выбрали девчонку. Она старшая, а кроме нее там еще десять ртов. Так она рада, поет и пляшет, гово-

рит, что наконец-то все они в люди выйдут и есть станут до-сыта. Ради такого и умереть не жалко.

Анття вдруг ощутила себя бесполезной и никому не нужной.

– Помогите ей, – попросил дядя Бриннен. – Ты ведь можешь.

Анття подумала, что им нечего предложить этому Верну. И сейчас он откажется, и они с дядей Бринненом пойдут домой, и вечером, когда Анттия уйдет в свою комнату, он напьется на кухне в стельку и будет негромко петь о солдатах в плену, а Анттия, наверное, все-таки сможет заплакать.

День выдался жаркий, но Антию начало знобить.

– Могу, – кивнул Верн, и Анттия увидела, как резкое облегчение отразилось даже в позе дяди Бриннена. Он как будто даже стал выше ростом. – Но я не обещаю, что мы все-таки вернемся.

– Спасибо, – выдохнула Анттия, и Верн улыбнулся.

– Надо же, она умеет говорить! Я еще не сказал, что помогу, ваше высочество.

Анттия почувствовала себя бабочкой, приколотой к картонке. Холод, пронзивший ее живот, был таким жгучим, что она едва не вскрикнула.

– Я уже давно не «ваше высочество», – поправила она. – Вы правда спускались в подземелья?

Улыбка Верна стала еще шире. Антии казалось, что к ее лицу снова прикасаются невидимые пальцы, но сейчас это

не было неприятно.

– Да, я спускался туда, – кивнул Верн. – Там не так темно, как кажется. Там много воздуха и зелени, и Солнечный Кормчий плывет по небесной лазури, и свет его лица заливает дворцы и лачуги...

Солнечный Кормчий? Антия нахмурилась.

– Вы знаете владыку Ардиона? – выпалила она. Неужели это был не просто сон?

В ту же минуту Верн вскочил с гамака и, сжав левой рукой лицо Антии, заглянул ей в глаза. Взгляд был обжигающим и таким яростным, что у Антии зашевелились волосы на голове. Так страшно ей не было, даже когда она бежала с дядей Бринненом по подземному туннелю.

Все в ней заледенело от ужаса. Антии казалось, что с ее губ срываются облачка пара, а сухие твердые пальцы вминаются в кожу, словно в глину. Уши наполнил звон, и за страхом проступила злость.

– Эй! – Антия поняла, что дядя Бриннен схватил Верна за плечо, готовый в любую минуту вывернуть ему руку. – Что с тобой?

Какое-то время Верн еще сжимал щеки Антии, а затем оттолкнул ее от себя и выплюнул:

– Нет. Я с ней не пойду, Бриннен.

Дядя Бриннен оторопело посмотрел на него, словно не мог поверить в то, что услышал. Яблоневого сада растекся мягкими акварельными мазками, и Антия поняла, что все-

таки смогла заплакать.

Вот теперь все кончилось. У нее больше не осталось надежды.

– Но... почему? – воскликнул дядя Бриннен, и его лицо исказила судорога. Верн смотрел на него с горечью и отчаянием.

– Нет, – произнес он. – Если Небо на ее стороне, она пройдет. А меня в это не втягивайте. Хватит с меня подземелий и черных птиц.

Верн потрянул головой, сунул руки в карманы брюк и быстрым шагом двинулся в сторону дома – холодный, упрямый, какой-то неживой.

Антя села в траву, уткнулась лицом в ладони и разрыдалась.

Ему казалось, что над садом лежит тень. Темно-синяя тень летящей сипухи с золотыми проблесками у глаз и клюва. Вот она спускается ниже, и яблони уходят во мрак.

Когда незваные гости покинули сад, Верн снова лег в гамак, взял блокнот, но те пошлые слова, которые он обычно писал не задумываясь, куда-то ушли. Некоторое время он лежал, глядя, как по яблоневым ветвям скачет птичка, и вслу-

шиваясь в пустоту в себе, а затем услышал:

«Хочешь подняться к солнцу? Крыльев-то хватит?»

Ардион говорил спокойно и уверенно, да он всегда и был таким. Старший брат, наследник, король. Кто бы посмел протянуть руку и отобрать то, что принадлежало владыке по праву? Верн не собирался этого делать. Его вполне устраивала *тихая и спокойная жизнь*, он никогда не искал приключений...

Правая рука снова начала ныть. Сколько уже ее нет? Пять с половиной лет прошло, а все ноет, и несуществующие пальцы зудят и пытаются сжаться в кулак.

Рассказать бы Ардиону о том, как он, калека, валялся в грязи столичных трущоб, как пытался украсть ломоть хлеба и загремел за решетку, как вышел оттуда, понимая, что идти некуда. Пожалуй, старшему брату понравилась бы эта история. Верн, бывало, слушал его с разинутым от удивления ртом.

Потому-то до сих пор и больно.

Прошло пять с половиной лет, а Верн все никак не мог отделить любимого брата от владыки, который лишил его руки.

– Верн!

Он обернулся: из-за забора выглядывал сосед, и был он уже настолько пьяный, что смотреть стыдно. Неудивительно – в этой семье такое было в порядке вещей, а тем более и повод нашелся. Не каждый день старшая дочь становится избранной девой.

– Чего тебе?

– А ты это... – Сосед икнул, наполнив яблоневый сад сиушным духом. – А ты это, иди, выпей с нами? – Он вдруг всхлипнул и мазнул грязной ладонью по лицу. – Доченьку же мою выбрали, в пирамиду пойдет.

«Тварь ты пьяная, – с неожиданным гневом подумал Верн. – Ты даже не понимаешь, какую именно дочь у тебя отнимут».

Он вдруг вспомнил, как познакомился с Бринненом: тот упал на улице, Верн помог ему, и они выяснили, что безрукий калека поднял безногого. Рассмеялись, разговорились, подружились – и вот Бриннен привел к нему Антию. Верн чувствовал, что этим все и закончится.

Кто она была Бриннену, эта Антия? Никто, просто девочка, которую он спас – потому что не мог не спасти. И вот она стоит – не юная принцесса, какой была бы, если бы головы ее родителей и брата не выставили на пиках у ворот дворца, а девчонка с растрепанной косой и в почти мальчишеской одежде, смотрит с надеждой, и за ее спиной вдруг раскрываются темно-синие совиные крылья.

– Верн, ты че? Что с тобой, брат? – Сосед удивился и, кажется, даже испугался. Похоже, Верн изменился в лице.

– Ничего, – буркнул он. – Ничего. Глазница болит.

Сосед понимающе кивнул. Протянул бутыль с тем, что гордо именовал домашним вином. Верн мог бы красить этой жидкостью забор или отчищать ржавчину, но ни в коем слу-

чае не пить. Но сосед в этом смысле был не робкого десятка.

– На, бедолага, поправься, – предложил он. – Полегчает.

Верн лишь махнул рукой и закрыл левый глаз. Не хватало от этого пойдя потерять остатки здоровья. Сосед потоптался на месте, всхлипнул и решил не переводить добро на тех, кто его не ценит.

Верн до сих пор считал, что отец тогда просто пошутил – он был мастером на злые шутки, и Верн вроде бы привык к этому. И когда отец положил на его голову корону и золотой венец признал нового владыку, Верн понимал, что это шутка: дурная, очень глупая, но все-таки шутка. А вот Ардион так не думал.

И он не выдержал. Он просто сорвался, и синяя сипуха нанесла первый удар филину. Ну а кто удержался бы на его месте? Минуту назад ты был наследником по праву, никогда не делавшим ничего, что могло бы тебя как-то унижить или заставило бы усомниться в твоём статусе, и вот у тебя все-таки отняли то, что ты всегда считал своим.

Просто потому, что могли.

Верн поймал себя на мысли, что до сих пор оправдывает брата. Что, потеряв руку, по-прежнему старается найти те слова, которые помогли бы им помириться.

Что еще ему нужно потерять? Голову?

За забором заорали, послышался грохот: кажется, отец семейства свалился с крыльца. Заохала мать, захныкали дети – все это было настолько привычно, что Верну захотелось

кричать. Такие концерты он наблюдал каждый вечер уже три года.

Что он вообще делает здесь? Пишет письма дурам, которые ждут любовников из заключения, потому что те сами и двух слов связать не могут, получая за это достаточно, чтобы не беспокоиться о протезах...

«Как ты низко пал, брат», – рассмеялся Ардион. Верну казалось, что он видит его в кружевной тени яблонь: темно-синяя мантия текла по траве, как туман, в вечернюю свежесть вплелась прохладная сухая нотка болотной травы. Ардион любил болота и уходил туда всегда, когда ему хотелось побыть одному. Отец, помнится, сердился. Солнечный Кормчий не любил болота, словно в них таилось нечто, способное ему навредить. Словно там была могила его врага.

«Солнечный Кормчий не любит ни одного из своих детей, – подумал Верн, будто Ардион мог его услышать. – Ты, я, Микелла – мы просто осколки его света в материальном мире. Плоть, которая в каком-то смысле оскверняет его сияние».

Он никогда всерьез не думал о том, чтобы вернуться. Слишком громко звучал в ушах хруст крыла, которое Ардион выламывал, задыхаясь от ярости, слишком ныли по ночам и в дождь шрамы на боку. Да и к кому возвращаться? К отцу, который стравил сыновей, чтобы посмотреть, что из этого выйдет? К сестре? Он даже не знает, где ее искать.

Птичка пискнула, прыгая над его головой. В траве вози-

лась полевка: ее упитанное семейство жило здесь еще до того, как Верн поселился в доме, и он не стал их прогонять. Пусть себе живут, грызут клубни его нарциссов. Даже странно, что полевки не боялись филина, своего естественного врага, но Верн почему-то этому радовался.

Он никогда не хотел, чтобы его боялись. Он не нуждался ни в страхе, ни в преклонении.

Что сейчас делает Бриннен? Чем занята его воспитанница? Должно быть, плачут – что еще тут можно делать? Верн неожиданно подумал, что Антию выбрали не просто так. Отец надел на него корону потому, что не любил младшего сына и хотел избавиться от него чужими руками. На руке Антии появилась печать потому, что она сделалась опасной.

Ничего не случается просто так, это истинно для всех миров – Верн успел узнать это на собственной шкуре.

Он вздохнул и поднялся с гамака. Надо было лететь.

Вечером пошел дождь.

Спасательные дирижабли, которые висели над городом, казались рыбинами, плывущими через влажный сумрак. Если Великий кит двинется по океану, то люди бросятся к ним, станут карабкаться по веревочным лесенкам в рыбе брюхо.

Когда-нибудь Кит прекратит движение, и дирижабли выпустят уцелевших на развалины городов.

Дядя Бриннен все-таки напился. Сейчас Антия слышала, как он сидит на кухне и негромко поет о солдатах, которые возвращались домой из плена. Пару раз пытались заглянуть любопытные соседи, но дядя Бриннен их прогонял с такой бранью, что Джаккену стоило бы у него поучиться.

– Дурак! – крикнула Мавга, булочница, которая продавала свой сдобный товар в пекарне на углу. – Счастье же, гордись! Вылезешь из нищеты этой окаянной, жить будешь как человек! Да и она жизнь за людей отдаст, не то что папаша ейный!

Дядя Бриннен взял свою старую палку и вместо ответа швырнул в булочницу. Попал.

Антии стало легче после того, как она смогла прорыдаться. Она успокоилась и не то чтобы приняла все, что должно с ней случиться, но стала думать о будущем уже без боли.

В конце концов, она должна была умереть восемь лет назад. Если бы не офицер-инвалид, которого держали при дворе из жалости и в качестве благодарности, Антия уже давно стала бы землей и травой рядом с родителями и братом.

Сможет ли ее душа вырваться из подземелий, когда все закончится?

Дождь шел все сильнее. Сидя у окна, Антия видела, как над пирамидой поднимается дым – жрецы охапками бросали в огонь травы и цветы, благодарили Небо за избранных дев.

Антия знала, что много веков назад на вершине пирамиды вырезали человеческие сердца и швыряли на жертвенники. Когда она проходила мимо, по спине всегда пробежал холодок. Антии казалось, что в трещинах камней до сих пор сохранилась кровь.

Через три дня пребывания там избранные девушки войдут в парадные врата, минуют просторный зал Неба и увидят широкую лестницу, которая ведет во тьму. Дальше Антии было страшно думать. Дальше будут подземелье и черные ходы, которые ведут вниз, к Великому Киту.

Никто не знал, что бывает потом.

Ни одна девушка еще не поднялась на поверхность. Антия представила белые дуги костей, лежащие во тьме, и ее снова стало знобить.

Над улицей мелькнула птица. Антия всмотрелась – да это же филин! Но что у него с крылом? Она готова была поклясться, что правое крыло птицы металлическое – вон как сверкает. Филин сделал круг над их домом, опустился на крыльцо, и Антия услышала стук в дверь.

Ей представилось, как филин постучал клювом, и Антия чуть не рассмеялась.

Она открыла створку, высунулась из окна: на ступенях стоял человек. Филина не было.

– Кого там тьма принесла? – услышала Антия голос дяди Бриннена. Кажется, он искал еще одну палку, которой можно вытянуть по спине назойливого посетителя. Дверь откры-

лась, и дядя Бриннен ахнул:

– Ты!

– Я, – ответил Верн. – Будем считать, что я передумал.

И Антия увидела, как в сумерках сверкнуло стекло бутылки вина.

Она бегом бросилась вниз, чуть не упала на неровных ступеньках и влетела в гостиную как раз тогда, когда Верн вешал плащ на крючок, а дядя Бриннен нес с кухни стаканы. Не говоря ни слова, Антия взяла бутылку со стола и решительно сказала:

– Хватит.

Она была готова к тому, что дядя Бриннен начнет спорить, но он лишь кивнул и поставил стаканы на каминную полку. Верн усмехнулся.

– Решительная девочка, ничего не скажешь.

– Вы мне поможете? – спросила Антия. Надежда прорастала сквозь ее душу, и Антия чувствовала, что почти готова взлететь. Верн кивнул, сел в кресло и осведомился:

– Откуда ты знаешь о владыке Ардионе?

Антия опустилась на продавленный диванчик рядом с дядей Бринненом. Верн с любопытством посмотрел по сторонам, словно попал в музей: Антия невольно подумала, что благовоспитанной барышне стало бы стыдно за скудную обстановку, за этот диванчик, шкаф, который отдали соседи, стулья, такие старые, что на них страшно садиться, – как же хорошо, что она не была такой барышней и не стыдилась

честной бедности.

Ей все еще было не по себе от того, что ее сон оказался чем угодно, но только не сном.

– Он приснился мне, – призналась Антия. – Он сказал, что, когда Солнечный Кормчий сбросит демонов с неба, ему будет чем их встретить. А где филин?

Верн рассмеялся, плавно провел правой рукой по воздуху, и Антия увидела, как ее окутывает серебряная дымка, сгущаясь в сверкающие металлические перья.

Оборотень!

Верн снисходительно улыбнулся, снова повел рукой, и перья исчезли. Вместо железного крыла вновь появился протез. Антии захотелось дотронуться до его руки – она сама не знала почему.

– Я филин, – ответил Верн. – И это нам с тобой поможет. Завтра ты отправляешься в пирамиду, так? Три дня на подготовку, пост и молитвы, потом вниз?

Антия кивнула. Сейчас пирамида Ауйле почти не пугала ее. Страх отступил и улегся.

– Да. Утром.

Улыбка Верна сделалась еще шире.

– Хорошо. Что я получу, когда ты выйдешь из ворот на Белых скалах?

Антия пожала плечами. Мысль о том, что она может выжить и вернуть себе корону, казалась ей какой-то странной. Непривычной.

– А что вы хотите? – ответила она вопросом на вопрос. Верн нахмурился, задумался, но было видно, что его все это веселит.

Что могла ему дать девчонка из павшей династии? Что могла бы ему дать королева? Если он способен пройти подземелья и вернуться живым, то он сам возьмет все, что захочет.

– Мышь, – произнес Верн, и дядя Бриннен уставился на него так, словно гость издевался над ними. – Маленькую белую мышь.

Антия вопросительно подняла бровь – и вдруг вспомнила, что мама тоже так делала, когда была удивлена по-настоящему.

– Почему?

– Ну а что еще нужно филину? Маленькую белую мышь. Я не шучу.

– Вы их что, едите? – озадаченно спросила Антия. Верн прикрыл глаза.

– Да, бывает. Я же филин, что мне еще есть? Ну так что? Будет мне мышь?

– Хорошо! – улыбнулась Антия. – Договорились.

– Впрочем, нам надо думать не о мышах, – сообщил Верн, смахивая со своего протеза невидимую пылинку. – Что будем делать, если тебя встретят у выхода вооруженные люди его величества?

А вот этого Антия не ожидала. И предположение Верна

ей не понравилось.

– Думаешь, Эвион приложил руку к тому, что Антию выбрали? – нахмурился Бриннен. Верн пожал плечами.

– Почему бы и нет? До этого она была сопливой девчонкой, которая жила с калекой. Никому не нужная. Всеми забытая, – Антии показалось, что левый глаз Верна сверкнул расплавленным золотом. – Девчонок не сажают на трон. Но вот она растет, становится девушкой, и на ней, допустим, может жениться какой-нибудь данвигонский принц как на деве равной крови. И тут получается уже совсем другое дело.

Она не сдержала улыбки. Какой бы равной ни была их кровь, Антия слишком много времени провела в трущобах. Никакой принц не женится на той, которая ставила метки на преступников по заказу Джаккена.

За годы жизни в трущобах с дядей Бринненом и подсчитыванием, как лучше потратить семь серебряных львов, она почти перестала вспоминать о том, кем была. Все об этом забыли, и Антию это устраивало.

Но Эвион никогда и ничего не забывал. Он просто позволил ей жить до поры до времени, и люди считали его милосердным владыкой, который пощадил дитя и не стал преследовать сироту.

– Метки ставят жрецы по воле Неба, – произнес дядя Бриннен, но его голос звучал неуверенно. Верн махнул рукой.

– Я тебя умоляю. Почему в прошлый раз избрали дочь

министра финансов? Сам поймешь или подсказать?

– Потому что ее отец настаивал на реформе, – сказала Антия. Верн кивнул.

– Я же говорю, умная девочка. И такую умную выбрали не просто так. Сгинет в подземельях – замечательно. Мертвая святая мученица гораздо лучше подрастающей живой проблемы. И я вновь возвращаюсь к своему вопросу: что будем делать, если у выхода нас будут ждать не со знаменами и угощением, а с оружием?

У Антии даже в животе заныло от волнения.

– С чего ты взял, что данвигонский принц... – начал было дядя Бриннен. Верн улыбнулся.

– Так, летал, кое-что услышал. Данвигону давно нужны земли на юге. Принц Эдвиг женится на наследнице прежней династии, и в перспективе это объединит Таллерию и Данвигон.

– Кто ж ему позволит? – удивилась Антия. – Принц никогда не женится на девчонке с окраин.

Верн посмотрел на нее так, словно она понятия не имела, о чем говорит.

– С ума сойти, – дядя Бриннен рассеянно почесал бровь. – Но ведь никто не возвращался из подземелий. С чего Эвион будет караулить у выхода?

Верн выразительно воздел глаза к потолку.

– С того, что наш государь далеко не дурак, вот с чего. Так что будем делать?

Дядя Бриннен откинулся на спинку дивана и ответил:

– У меня остались надежные друзья. Мы будем ждать вас у Белых ворот. Если что – отобьем.

– Вот и замечательно, – сказал Верн и поднялся. – Что ж, до завтра, ваше высочество. Увидимся у пирамиды!

II

Путь в пирамиде

Антию забрали рано утром, едва рассвело. Обнимая дядю Бриннена на прощание, она разревелась, как ребенок, и плакала, пока мобиль вез ее по влажным после дождя городским дорогам. Выходило солнце, на улицах никого не было, но Антия чувствовала, как на нее смотрят сотни глаз из окон, как ее провожают, как молятся и благодарят.

«Я вернусь», – пообещала она. Глядя в окно, Антия искала летящего филина, но розовеющее небо было чистым и пустым. Должно быть, Верн еще спал.

Мобиль въехал в высокие ворота храмового комплекса. Кругом были кусты роз и пионов, в воздухе плыл тонкий сладкий аромат, и Антию стало мутить. Пирамида Аулле возвышалась впереди черной громадиной спящего животного. Наверху кружился дымок. Слуга в красной мантии открыл дверцу, Антия вышла и увидела, что ее привезли первой.

Три дня молитв и поста. Потом спуск во тьму.

«Хватит с меня подземелий и черных птиц», – прозвучал у нее в голове голос Верна.

– Госпожа Антия.

Антия обернулась и увидела одного из слуг – тот согнулся

в поклоне и прошелестел:

– Милостью Неба приветствуем святую у пирамиды Ауйле. Прошу за мной.

На улице показался еще один мобиль – везли новую жертву. Антия кивнула и послушно последовала за слугой. Они прошли мимо статуи Ауйле – фигуры мужчины, поднимавшего к утреннему небу шесть многопалых рук, – и оказались у гостеприимно распахнутых дверей изящного двухэтажного здания.

– Приют святых, – объяснил слуга. – Здесь девы проводят три дня до церемонии.

Антия понимающе кивнула. Они вошли в двери, миновали просторный зал и оказались в широком, ярко освещенном коридоре. Слуга открыл одну из дверей и с поклоном произнес:

– Ваша комната, госпожа Антия.

Комната, светлая и тихая, чем-то напомнила Антии ее спальню во дворце. Надо же, она много лет не вспоминала о ней, а теперь вдруг вспомнила... И кровать почти такая же, и мягкий ковер на полу. Сколько девушек входили сюда, проводили здесь свои последние дни, плакали, молились?

На кровати лежало белое платье. Антия вздохнула и принялась переодеваться. Брюки, рубашка, удобная обувь на плоской подошве гораздо лучше подошли бы для похода в подземелье, особенно если надо бежать и сражаться. Антия не сомневалась, что там, во тьме, хватит и того, и другого.

Но надо было надеть платье, больше похожее на ночную сорочку.

«Не привлекай к себе лишнего внимания, – сказал дядя Бриннен, перед тем как мобиль остановился у их дома и в дверь постучали. – Никто ничего не должен заподозрить. Не выделяйся, делай то же, что и все».

Антия была с ним полностью согласна.

Переодевшись, она выглянула в окно и увидела, как слуга ведет к зданию еще одну девушку. Вряд ли ей было больше четырнадцати. Маленькая, черноволосая, перепуганная. Антии сделалось холодно.

«У меня хотя бы есть шанс, – подумала она. – И помощник. А у нее никого».

Вскоре она услышала шаги в коридоре, хлопнула соседняя дверь, и из-за стены донесся плач.

Девушки прибывали. Одна из них показалась Антии смутно знакомой. Вроде бы она видела эту высокую блондинку на набережной – тогда эта девушка гуляла с друзьями, ела щупальца осьминога, накрученные на деревянную палочку, и ослепительно улыбалась.

Тогда она была королевой мира. А сейчас готовилась пожать руку смерти.

Двери в коридоре так и хлопали. Один раз Антия услышала крепкую ругань. Один раз кто-то запел.

Как бы она себя вела, если бы у нее не было надежды на помощь Верна? Тоже плакала бы в подушку...

Через несколько часов в комнату Антии заглянул слуга. Девушек повели к пирамиде на молитву.

Антия перестала молиться после смерти родителей, но сейчас просто следовала совету дяди Бриннена. Все молятся – и она будет послушно повторять нужные слова.

Возле входа в пирамиду ждали алые тени жрецов; Антия узнала среди них того, который приезжал в их дом. Девушки остановились, и вдруг сделалось так тихо, что Антии показалось, будто она слышит стук сердец всех избранных.

– Меня зовут Лефер, я главный жрец пирамиды Ауйле, – негромко представился вчерашний слуга Неба. Чуть покосившись на соседку, огненно-рыжую и злую, Антия заметила, как та скривилась с брезгливой ненавистью. – Мы приветствуем избранных дев, которые через три дня сойдут к Великому Киту и спасут наш мир от разрушения. Вечная слава и благодарность ждет вас. Мы не забудем ваш подвиг во имя людей. Небо примет вас, и великий Ауйле усадит избранных рядом со своим тронном.

– Да... я его трон! – рыжая говорила, выплевывая слова. От нее так и искрило болью и гневом. – Мы жить хотим, понял, ты? Жить, а не сдохнуть под землей!

– За себя говори, – подала голос одна из девушек, не давая жрецу вставить хоть слово. – У меня семья наконец-то заживет по-человечески.

Антия подумала, что это и есть та самая соседка Верна, чье избрание осчастливило ее родню. Бледная, курносая, со

шрамом на плече, она выглядела по-настоящему счастливой.

– Вот и приведи сюда свою семью, и пинка им под!.. – всхлипнула рыжая. Ее лицо залилось румянцем, и Антии показалось, что она готова броситься в драку. – А я жить хочу! Я, между прочим, через год замуж хотела выйти!

Лефер вздохнул, подошел к девушке и обнял ее так, как мог бы обнять старший брат. Она ударила было его по плечу, а потом разревелась так громко и отчаянно, что у Антии сжалось сердце. Какое-то время Лефер просто гладил ее по голове, и Антия слышала, что он раз за разом повторяет имя:

– Гента. Гента.

Постепенно Гента успокоилась, отстранилась. Ей было невыразимо стыдно. Жрецы и слуги стояли алыми статуями, и на их лицах царило спокойное равнодушие. Неудивительно. Раз в год пирамида Ауйле улавливает едва заметные колебания Великого Кита – затем она и была создана. Раз в год жрецы понимают: пора. Так было с самого сотворения мира и людей.

Сколько раз эти люди в красных одеяниях видели слезы и слышали крики девушек? Успели привыкнуть.

Антия почувствовала, как в ней нарастают злость и гнев.

– Никто не хочет умирать, – произнес Лефер. – Все хотят жить. Единственное утешение, которое нам доступно, – это то, что ваша смерть будет не напрасна. Вы не умрете от дизентерии с летней жарой. Вас не собьет мобиль какой-нибудь богатенькой дряни. Вас не укусит москит, вас не удушит

легочная жаба. Вас не станет, да. Но этим вы дадите жизнь другим. Нет большей любви и большей чести, чем умереть за людей. Сам Ауйле сделал так.

Он так и держал Генту за руку. Девушка смотрела на носки своих белых туфель, и Антия увидела, как по ее щеке пробежала слеза.

«Хитрая ты сволочь», – подумала Антия. Почему-то Лефер казался ей похожим на владыку Ардиона.

– Давайте помолимся, – негромко предложил Лефер, и все опустились на колени.

День прошел в молитвах. Слуги вынесли к пирамиде металлические жертвенники, развели огонь, притащили охапки цветов и трав. Девушки послушно брали цветы, бросали их на жертвенник и повторяли за жрецами: «Очищаю свой путь... освобождаю дух... служу миру...» Антия пристально всматривалась в девушек, запоминая их имена: Бейла, та, которую привезли второй; Вильма, соседка Верна; Кетта, любительница осьминогов; Стелли, из очень богатой семьи, судя по прическе, ухоженным рукам и походке; Эльма, Вайни, Майра...

Через три дня для них все закончится.

– Что там, внизу? – не вытерпела Антия, когда жертвенники унесли. Раз уж их всех притащили сюда, они имеют право знать правду.

– Там, внизу – Великий Кит, – ответил Лефер. – Вы спуститесь по ступеням, которые когда-то проложил сам Ауйле, и попадете прямо к нему. Кит примет вас и снова погрузится в сон.

– А долго спускаться? – спросила Дина. От страха она была даже не бледной – серой. Антия подумала, что если так бояться, то можно умереть еще до начала церемонии.

– Несколько часов, – ответил Лефер, и Стелли тут же заинтересовалась:

– Это больно?

Жрец улыбнулся – едва уловимо.

– Уверяю вас, нет. Просто лестница закончится, и вы увидите Небо и зеленые сады Ауйле.

Антия хотела было полюбопытствовать, кто именно вернулся из пирамиды и рассказал, как все будет, но вспомнила совет дяди Бриннена и решила держать язык за зубами. Чем меньше на нее обращают внимание, тем лучше.

Впрочем, вскоре она убедилась, что быть такой же, как все, тоже нехорошо. Когда девушек повели на ужин, Лефер придержал Антию за руку и спросил:

– Вы сегодня молчаливы, ваше высочество.

У Антии что-то дрогнуло в груди.

– Я уже давно не «ваше высочество», – сказала она, пони-

мая, что это сказано неспроста, и добавила: – Волнуюсь, как там дядя Бриннен.

– С ним все хорошо, уверяю вас, – улыбнулся Лефер. – Готовится к переезду, государь выделил ему дом на набережной. Через месяц назначена операция, получит протезы нового поколения.

Антя мысленно присвистнула. Расщедрился государь, ничего не скажешь. Старый инвалид, воспитавший святую деву, станет жить в лучшем районе города. Дядя Бриннен ни в чем не будет нуждаться до конца своих дней.

Эвион считал его муравьем, который пробежал по краю королевской мантии. Пусть себе бежит – он никогда и ничем не сумеет навредить.

– Жаль, что мы больше не увидимся, – вздохнула Антия. Лефер понимающе кивнул.

– Он ведь вывел вас по подземному ходу. Тогда, во время восстания Эвиона. Вы ведь боитесь темноты, правда? Неудивительно. Вас, восьмилетнюю, тащили через эту тьму, а над вами убивали ваших родителей.

Ладони сделались ледяными и мокрыми. Антия покосилась на Лефера, стараясь сохранять невозмутимый вид.

Самое время вспомнить, что принцессы не плачут и не боятся, раз уж Антию снова называют «ваше высочество». Даже если рассказывают о ее главных страхах с таким непроницаемо спокойным лицом.

– Боюсь, – призналась она. – И все девушки боятся. Стран-

но, если бы было по-другому.

Они остановились в сиреневой тени портика – в открытые двери Антия видела столовую: стол с белой скатертью и девушек, которые усаживались ужинать. Только сейчас Антия поняла, насколько проголодалась.

– Думаю, вы по привычке будете искать какой-то особенный ход, – едва заметно улыбнулся Лефер, и у Антии затряслись колени. Неужели он знает? Неужели он что-то понял или подслушал? Или у Антии на лице написано, что она нашла способ спастись?

– Не понимаю, о чем вы говорите, – прошептала Антия. Улыбка Лефера стала еще теплее. Светло-серые глаза потемнели.

– Да все вы понимаете, ваше высочество. Говорят, в последнее время в городе появилось много сов? Я часто вижу одну, которая летает над пирамидой.

Антия улыбнулась в ответ. Улыбка была как судорога.

«Он все знает, – плавало в голове. – Он все знает».

Откуда, Тьма его заberi?

– Ну и что?

Лефер мягко погладил ее по плечу. Антия невольно дернулась в сторону; жрец придержал ее за запястье – вроде бы осторожно, но при всем желании не вырваться.

– Ваш пернатый друг вылетел из Белых ворот, – спокойно объяснил он. – И он прекрасно знает, как выглядит вход с этой стороны. И он готов помочь вам.

– А вы? – спросила Антия. Лефер не говорил бы об этом, если бы просто хотел ее смерти. Сейчас ему нужно было намного больше, чем очередная девчонка, которая сгинула во мраке под пирамидой. Конечно, о Верне знают. Если уж дядя Бриннен в курсе, то жрецы, которым известна каждая трещинка в пирамиде Ау́йле, тоже этого не пропустили.

Теперь будет торг. И Антия готова была торговаться.

– Разумеется. Я тоже готов вам помочь, – Лефер прикрыл глаза. – Конечно, если ваше величество не забудет обо мне, когда вернется.

Значит, Верн был прав. Антию выбрали не случайно, и Эвион понимал, что она может стать королевой, если выйдет замуж за Эдвигу Данвигонского.

«Выжить бы во всем этом», – устало подумала Антия.

– Я не забуду, – твердо сказала она. – Как именно мне вспомнить вашу доброту?

Лефер снова погладил ее по плечу, и от этого прикосновения по коже Антии пробежали мурашки.

– Не запирайте сегодня двери в вашу комнату, – произнес жрец. – И окно тоже оставьте открытым. У нас будет серьезный и долгий разговор.

Ужин был скудным. Кажется, маленький ломтик рыбы с соусом в окружении овощей должен был показать: девушек привели сюда, чтобы они спасали мир, а не набивали животы. Или во время спуска во мраке они должны были еле волочить ноги?

Ели в молчании. Антия быстро расправилась с содержимым тарелки и отправилась к себе.

Никто не сказал ни слова.

Над белыми розами и пионами сада уже сгустились сумерки. Пирамида казалась декорацией, вырезанной из бумаги. Антия постояла на ступенях, глядя, как над цветами летают толстые зеленые жуки, и побрела от столовой в сторону приюта святых. Многорукая статуя Ауиле смотрела на нее с сочувствием. «Две руки для труда, две для молитвы, две для утешения страждущих», – вспомнила Антия.

Она сама не поняла, как все изменилось. Вроде бы только что она смотрела на статую, и вот кусты и цветы, дома, пирамида, далекий шум города отступили и стерлись. Антия смотрела на угрюмый темный сад, заросший колючими кустами. Плиты дорожки давным-давно никто не подметал, статуи покрывали языки мха. По земле тянулись ленты тумана.

Антия ахнула – она узнала одну из статуй. Эта девушка, Юнна, жила на соседней улице и спустилась во тьму под пирамидой в прошлом году. Она продавала овощи с лотка, и, когда ее избрали, Антия с облегчением подумала: не меня,

на этот раз они заберут не меня.

Это кладбище?

Антия вдруг поняла, что уже не одна. Ардион неторопливо брел по дорожке, черное одеяние струилось за ним туманными крыльями, темные волосы были стянуты красным шнурком. Антия слышала, как в тумане падают капли, и умоляла, сама не зная кого: пусть он не заметит меня. Пусть он не почувствует.

В тот же миг Ардион обернулся и посмотрел Антии в глаза.

Она застыла. Ужас, охвативший ее, был настолько леденящим и глубоким, что Антия перестала дышать. Кажется, сердце остановилось, покрываясь изморозью. Ардион смотрел так, словно ему загадали загадку и он должен был найти ответ. Антия хотела поднять руки, закрыться от его взгляда – и не могла.

Ардион улыбнулся. Антии показалось, что она падает – далеко, глубоко, во тьму, к червям, крысиным ходам, корням деревьев.

– Как это грустно, – негромко произнес Ардион и, протянув руку, скользнул кончиками пальцев по ее щеке.

Антия закричала – прикосновение прожгло щеку до кости. Она опомнилась, увидела, что лежит на траве под розовыми кустами и пытается отбиться от кого-то невидимого. Щеку до сих пор пекло, и Антия не могла перестать кричать.

Где-то в стороне белой стайкой столпились перепуганные

девушки, но Антия видела только темный сад, туман и черный силуэт Ардиона.

Он ее видел. Он ее ждал и знал, что она придет.

Кто-то подхватил Антию на руки, быстро понес к распахнутым дверям в приют святых. Она не сразу поняла, что это был Лефер. Он почти бегом прошел через зал, слуги торопливо открыли перед ним дверь в комнату, и осторожно опустил Антию на кровать.

– Что с ней? – незнакомый голос дрожал от испуга. – Припадок?

– Уйдите, – коротко приказал Лефер, расстегивая тяжелую серебряную брошь, скреплявшую ворот мантии. Когда ледяной алый шелк укутал Антию, она наконец-то смогла успокоиться. Видение словно отрезало от нее.

Все исчезло. Была лишь комната, далекие голоса в саду, легкий ветерок, что играл с занавеской. Лефер устало провел ладонью по шее, поправил воротник тонкой рубашки и, сев на край кровати, спросил:

– Прошло?

Антия дотронулась до лица, боясь наткнуться на свежую рану, но нет, кожа была чистой и гладкой.

– Прошло, – прошептала она. – Но он меня увидел.

Лефер скривился так, словно хотел выругаться и вовремя проглотил слова.

– Он видит все и всех. Такова его участь. Когда Солнечный Кормчий сбрасывает демонов с неба, владыка Ардион

встречает их своей магией.

Антия подумала, что уже устала удивляться. Она села на кровати, натянув на себя мантию Лефера, и спросила:

– Вы и об этом знаете?

Лефер усмехнулся. Сцепил тонкие холеные пальцы на остром колене, оценивающе посмотрел на Антию.

– А как вы думаете? Жрецы Ауйле хранят пирамиду с начала времен. Неужели мы не знаем тех, кто смотрит на нас с другой стороны мира?

Ощущение было таким, словно Антию крепко ударили в лицо. Несколько лет назад, когда они с дядей Бринненом жили в трущобах на окраине, она дралась с мальчишками, и один из них однажды треснул ее в лоб. Впечатления были такими же.

– И что делать? – спросила Антия и услышала шум из сада. В тот же миг занавеска скользнула в сторону, и в комнату влетел уже знакомый филин с железным крылом.

Верн! Антии невольно стало легче. Филин приземлился на ковер, вздыбил перья, и его окутало серебристое сияние. Когда оно растаяло, Верн поднялся и, стряхивая с колен пылинки, сказал:

– У нас проблемы, как я вижу.

Антия невольно отметила это «у нас». Лефер кивнул.

– Владыка Ардион. У него есть связь с нашей избранницей, но я не понимаю ее природу.

Верн усмехнулся. Потер мочку уха.

– Такого раньше не было. Что ты видела?

Антя поежилась. Ощущение чужого взгляда вернулось и тотчас же ушло.

– Какой-то заросший сад со статуями, – ответила она. – И владыку Ардиона, он шел там, а потом увидел меня.

Верн хмыкнул.

– Да, есть у него такой чудесный садик. Когда понадобится, эти прекрасные девы оживут и выполнят его волю.

– Значит, мне не показалось, – сказала Антия. – Одна из них была похожа на Юнну, мою соседку. Ее забрали в прошлом году.

Она замолчала, нервным движением запустила руку в волосы. То есть избранные девушки не погибают? Ардион превращает их в каменные статуи, которые выполняют его приказы?

– Мы должны договориться, – напомнил Лефер. – Если ее высочество откажется, то у меня нет никакого интереса что-то делать.

Улыбка Верна была понимающей. Ему нужна была маленькая белая мышь. Что понадобится Леферу?

– Хорошо, – кивнула Антия, кутаясь в плащ жреца так, словно он был ее единственной защитой. – Что вы можете дать мне и что попросите взамен?

– Какая серьезная девушка, – заметил Лефер, посмотрев на Верна. – Мне нравится ее подход. Вы начнете спуск последней, ваше высочество. Это очень вам поможет, когда он

закончится. Я расскажу вам, где тайник, – а там будет нормальная одежда, а не эти тряпочки. И оружие.

Так. Одежда и оружие – это уже хорошо. Такой поворот Антии понравился. Когда-то отец говорил, что во всем надо искать выгоду – что ж, сейчас эта мысль помогала ей не кричать от страха.

Антия до сих пор чувствовала пальцы Ардиона на своей щеке. В этом прикосновении было что-то от хозяйки, выбирающей мясо на рынке, и что-то еще, темное и глубокое, чего она пока не могла опознать. И от этого было жутко, так же как в туннеле, через который Бриннен выводил Антию из дворца.

– Спасибо, – кивнула Антия. – Что с меня причитается за вашу доброту?

Лефер сразу же сделался собранным и жестким. От него даже холодом повеяло.

– Свиток Ауйле, подлинное слово создателя мира, – ответил он. – Он хранился в пирамиде, и одна из избранных девушек похитила его несколько веков назад. Сейчас он внизу. Вернете мне свиток – и все жрецы Таллерии станут вашими лучшими друзьями и поддержат всегда и во всем, когда вы начнете править. Вас, конечно, благословит само Небо, когда вернетесь, все склонятся перед вами и дадут все, что вы только попросите... – Лефер сделал паузу и добавил: – Но вам понадобятся верные друзья, даже не сомневайтесь.

– Друзья, чью верность я куплю, – Антия не удержалась

от шпильки. Лефер кивнул.

– Разумеется. Так всегда бывает, только цена разная. Согласитесь, это правильно – заплатить тому, кто удержит Эвионову руку с ядом или кинжалом. Он ведь не захочет уступить трон даже святой избраннице Неба и будет искать способы избавиться от нее. А мы удержим его величество, и править вы будете долго, а жить счастливо.

У Антии заныли виски. Хотелось лечь, спрятать голову под подушку и заснуть – чтобы проснуться в их с дядей Бринненом домишке, сварить кофе и отправиться на очередное задание Джаккена.

Вот бы все стало по-прежнему! Но Антия понимала, что этого уже не случится, и озноб становился все сильнее.

– Ему можно верить, – хмуро сказал Верн, который, видно, оценил молчание Антии по-своему. Она кивнула.

– Да, конечно. Свиток и маленькая белая мышь. По рукам. Лефер посмотрел на Верна, вопросительно подняв бровь.

– Мышь?

Верн улыбнулся.

– Я же филин, ты забыл? Что еще я могу попросить?

Лефер понимающе кивнул.

– Что ж, я рад, что мы договорились. Попробуйте отдохнуть, ваше высочество. У вас впереди трудные дни.

Антия несколько в этом не сомневалась.

Когда жрец и оборотень вышли на свежий воздух, Лефер негромко признался:

– Я не понимаю, что происходит.

Верн почесал кончик носа. Правый глаз под повязкой начало жечь.

– Ты ждешь, что я дам тебе ответ? – усмехнулся он. – Я и сам не знаю. Прежде ни у одного из нас не было связи с теми, кто живет в вашем мире.

Мужчины помолчали. Кажется, Лефер решил, что Верн что-то недоговаривает.

Пирамида Ауйле выглядела декорацией. Темная, грозная, она нависала над вечерним садом, и Верн вспомнил, что рассказывал отец: Ауйле, создатель жизни, построил эти пирамиды, чтобы запечатать проходы между мирами. Этаким саркофаг, который надежно хранит в своих глубинах дорогу туда, куда лучше не заглядывать.

Когда пять с половиной лет назад жрецы Ауйле нашли возле пирамиды окровавленного филина с оторванным правым крылом, то решили, что это обычная птица, над которой кто-то решил поиздеваться. Верн старался принять человеческий облик и не мог, не было сил. Слуги выкинули полумертвую птицу на свалку; потом Верн думал, что, если бы

верховным жрецом тогда был Лефер, он бы понял, что дело нечисто. Он докопался бы до правды – как сделал это через несколько лет, когда острое чутье привело его к Верну.

«Я чувствую в вас магию, и она не наша. Кто вы? Не пытайтесь солгать, я пойму. Мне нужна только правда, пусть даже самая странная».

– Что это может быть? Попытка прорваться сюда? Экспансия?

Лефер не задавал вопросы – он размышлял вслух и приглашал Верна присоединиться к размышлениям.

– Экспансия невозможна, – качнул головой Верн. – Пришельцы начинают разрушать новый мир.

Лефер усмехнулся.

– Нам повезло, что ты этого не делаешь.

Верн кивнул. Подумал, что жрец никогда не поймет, каких сил это требует.

– Вы выбрали Антию не случайно, – произнес Верн. Лефер бросил в сторону взгляд, каким мог бы смотреть актер, играющий мошенника. Да он и был когда-то актером, этот главный жрец – потом в нем пробудилась магия и привела его в пирамиду.

– Нас об этом, скажем так, очень убедительно попросили, – ответил он. – И энергично интересовались случаями возвращения дев из пирамиды.

– А ты?

– А я ответил чистую правду. Ни одна из дев еще не вер-

нулась. Такого не было за всю историю, – протянув руку, Лефер сорвал один из пионов и принялся задумчиво обрывать лепестки. – Нет, конечно, в эпоху государя Шона был случай возвращения, но ты сам понимаешь, что это просто легенда.

Верн кивнул. Государь Шон был легендарным владыкой Таллерии в незапамятные времена, и сослаться на него, как на историческую личность, было как минимум наивно. Хотя введенный им закон о вознаграждении вернувшейся всем, что она только пожелает, был незыблем.

Верну снова показалось, что над ними плывет птичья тень. Сипуха с золотой головой раскрывала темно-синие, почти черные крылья, и в огненных искрах на них ему чудились неразборчивые надписи, от которых веяло холодом.

– Как ты думаешь, может ли эта связь избранной девы с владыкой Ардионом быть простой случайностью? – спросил Лефер. Верн неопределенно пожал плечами. Он не верил в случайности. Жизнь давно приучила его к тому, что ничего в ней не происходит просто так.

Отец положил корону на его голову не затем, чтобы посмотреть, как у Ардиона побелеют глаза от ярости. Он хотел убрать одного из сыновей, вот и все.

«Чем больше я об этом думаю, тем слабее становлюсь», – подумал Верн и ответил:

– Нет. Это не случайность. Возможно, это ее королевская кровь, но... – Он остановился, глядя, как Лефер обрывает последние лепестки. – Раньше такого не было.

Лефер кивнул.

– Раньше туда не отправляли принцесс.

Верн невольно отметил, что жрец избегает смотреть ему в лицо. «Не ваша ли это работа?» – подумал он и, стараясь не подавать виду, осведомился:

– Тайник тот же?

– Да, как обычно, – ответил Лефер, и Верн ощутил его облегчение от того, что разговор пошел в другом направлении. Значит, тут действительно не все так просто. – Сколько продлится путешествие?

– Пару дней, не больше. Не хочу встречаться с родней.

– Принесите мне свиток, – сказал Лефер, и в его голосе проступили нотки, которых Верн, в общем-то, не ожидал. Сейчас с ним говорил не сообщник, а военачальник, отдающий приказ. – Государь Эвион всем уже надоел. Мы поможем принцессе Антии вернуть корону ее отца – и удержать ее на голове, конечно.

Короны, короны... Все всегда крутится вокруг них. Что, если Леферу и тем, кто за ним стоит, понадобилось надеть корону не на Антию, а на кого-то посильнее девчонки с окраин?

Верн усмехнулся про себя. Подарить Ардиону трон Таллерии – нет, ну бред же. Сделать Антию наживкой, которая выдернет его в новый мир? Это невозможно.

Но что-то грызло Верна, не позволяя отбросить эту мысль до конца.

Два дня прошли в молитвах и строгом посту. Чашка травяного чая утром и кусочек рыбы с овощами вечером – от такой диеты у Антии начало шуметь в ушах. Свободного времени, чтобы поговорить с товарками по несчастью, не оставалось: девушки вставали рано утром и до позднего вечера молились и бросали травы на жертвенник у входа в пирамиду.

Бунтарка Гента держалась с равнодушием марионетки, как и все остальные. Антия почти видела ниточки на ее запястьях. Надо молиться – и она послушно складывала руки. Надо класть на жертвенник очередной цветок – и она клала. Антия подумала, что среди этих цветов наверняка есть какие-нибудь дурманящие: вот больше никто не кричит, не сопротивляется и не пытается сбежать. Все просто спокойно делают то, что должны, – и Антия тоже делает, и ее волнение притупилось и улеглось.

По вечерам, когда в доме стихали шаги и голоса, Антия слышала плач. Утром у девушек были бледные лица с мазками болезненного румянца и покрасневшие от слез глаза.

Верн больше не прилетал. У него, должно быть, нашлись дела поважнее и поинтереснее. Лефер смотрел на Антию так

же, как и на всех остальных девушек, со спокойным сочувствием. «Хоть бы какую весточку от дяди Бриннена получить», – думала Антия, но, разумеется, посланий не приходило.

Родственники избранных дев не имели права на встречи и общение до отправки в пирамиду Ауйле. Антия всегда думала, что это невыразимо жестоко: знать, что твой родной человек еще жив, и не иметь возможности написать ему хоть слово, хоть букву.

Хотя родные Вильмы, должно быть, просто радовались. Антия знала, как обстоят дела в многодетных семьях на окраине. Мало того, что избавились от лишнего рта, так еще и озолотились, и выбьются в люди. Вильма, единственная из всех девушек, была хоть сколько-то живой. Кажется, ее искренне радовало то, что скоро все закончится.

Антия даже представлять не хотела, чем ее настолько измучила жизнь.

В день искупления девушек разбудили ранним утром. Ночью снова прошел дождь. Выйдя из здания и ежась от сырой прохлады, Антия слышала, как за оградой шелестят голоса.

Горожане пришли провожать избранных дев. Там был и дядя Бриннен – Антия не видела его, просто знала, что он пришел.

«Я вернусь, – пообещала она, словно он мог ее услышать. – Я обязательно вернусь».

Жрецы и слуги повели девушек к пирамиде. Высокие две-

ри были открыты настежь, и Антия видела десятки ламп, заливавших зал Неба. Лефер шел рядом с Антией, и она услышала едва уловимый шепот:

– Идешь последней. Считаешь ступени и ведешь правой рукой по стене. Пятьсот пятая, выступающий камень. Нажимаешь, открывается тайник.

– Я поняла, – ответила Антия таким же шепотом. Лефер кивнул.

– Когда все начнется, держись справа.

Они вошли в зал Неба – огромный и совершенно пустой. Ни статуй, ни картин, лишь золотые светильники на стенах, и от этой пустоты на душе становилось холодно. Антия почувствовала, как за ней опустилась невидимая завеса, которая уже не выпустит девушек из пирамиды. Наверняка были избранные, которые сопротивлялись до конца, несмотря на дурманящие травы, – и завеса не давала им выйти. Возможно, и теснила к ступеням.

Далеко-далеко ударили в гонг. Девушек выстроили в ряд перед узкой лестницей, и Антия снова ощутила, как в ней просыпается ужас – липкий, знобящий, тот самый, который жил с ней уже восемь лет.

«Держаться справа», – напомнила она себе.

Лестница казалась распахнутой пастью. Гладкие ступени сверкали так, словно по ним никто не ходил с самого начала времен. Они убегали в темноту, и Антия почувствовала, как волоски на руках поднимаются дыбом.

– Сегодня мы провожаем вас в путь к Великому Китаю, – произнес Лефер, и Бейла всхлипнула. – Пусть будет легка ваша дорога. Совсем скоро вас примет Ауйле и усадит рядом с собой в вечном блаженстве. Весь мир сейчас благодарит вас за ваш подвиг.

Он поклонился девушкам и с искренней горечью проговорил:

– Бейла, вы первая.

Бейла шмыгнула носом и медленно двинулась к лестнице. В своем белом платье она казалась покойницей, которая возвращается в могилу.

Лефер называл имена, девушки шли к ступеням, и Антия чувствовала, как у нее начинают неметь ноги. «Пятьсот пятая ступенька, – повторяла она, глядя прямо перед собой. – Пятьсот пятая».

Когда Лефер назвал ее имя, Антия поняла, что не может сделать и шага – все в ней окаменело от ужаса. Впереди была тьма. Видя ее замешательство, жрецы торопливо подошли и, подхватив Антию под руки, повлекли ее к лестнице.

Первая ступенька. Вторая.

Антия встрепенулась, опомнилась. Надо было взять себя в руки и вести пальцами по гладкому розовому мрамору облицовки, чтобы не пропустить тайник. Если она будет тратить время и силы на слезы и страх, то ничем хорошим это не кончится.

Чем ниже спускалась Антия, тем темнее становилось во-

круг. Шаги девушек шелестели, таяли – Антии казалось, что впереди, там, где еще белело платье Майры, уже никого нет.

Сто шагов. Сто десять. Сто двадцать.

Тьма окутала Антию тяжелыми крыльями, и ей показалось, что она ослепла. Открывай глаза, закрывай – ничего не изменится. Не стало ни пирамиды, ни девушек, ни Великого Кита, который лежал далеко внизу. Антия снова бежала по подземному ходу, захлебываясь слезами и собственным ужасом, и Бриннен тащил ее за руку. Антия знала, что он лишился ног, когда разминировал один из домов во время войны, и, глядя на него, испытывала страх, смешанный со стыдом. А когда они спасались из дворца, стыд ушел. Ничего не осталось, кроме страха.

– Сто тридцать, – прошептала Антия, не отрывая руки от прохладного мрамора. – Сто тридцать один.

Она стала лодкой, плывущей сквозь тьму. Шелест шагов казался плеском волн. Во рту поселился кислый металлический привкус.

Когда во тьме за ее спиной появился кто-то еще и чужие пальцы сжались на левом запястье, Антия не закричала только потому, что осела на ступеньку, почти теряя сознание. Сердце, кажется, рухнуло куда-то в живот.

– Тихо, – мягко шепнул Верн. – Тихо, это я.

Антия выдохнула, рассмеялась и тотчас же зажала себе рот ладонью. Наверное, этот мрак никогда не слышал смеха. Верн помог ей подняться, и они медленно продолжили

спуск, считая ступени.

«Я не одна, – думала Антия, чувствуя, как облегчение почти отрывает ее от земли. – Я все-таки не одна».

Кажется, именно сейчас она поверила в то, что сможет вернуться.

Двести девять. Двести десять. Верн молчал, осторожно придерживая Антию под локоть. Впереди кто-то всхлипнул – она подумала, что по пирамиде пробежит эхо, но не услышала его.

Триста восемнадцать. Триста девятнадцать. Мрамор под ладонью был теплым – на мгновение Антии показалось, что она дотрагивается до чьей-то кожи. Как далеко они уже спустились! Верн шел рядом, не говоря ни слова. Он, кажется, совсем не боялся. Антия не видела его, но чувствовала, что ему спокойно и весело. Еще бы песенку начал насвистывать!

Четыреста сорок два. Четыреста сорок три. Как странно, все они идут очень тихо. А если кто-то из девушек оступится и покатится вниз по ступеням?

Верн был рядом. Антия слышала его дыхание, и от этого становилось легче.

Пятьсот три. Пятьсот четыре. Пятьсот пять.

Выступ в стене ударил Антию в руку, она вскрикнула и скользнула по нему пальцами. Послышался едва уловимый скрип – открылась дверца.

– Отлично, – прошептал Верн, и Антия почувствовала, как он обходит ее, и услышала шелест и шорох – оборотень

вынимал содержимое тайника.

– Вот, – в руки Антии уткнулся тряпичный сверток, и она нащупала шов. Штаны! – Переодевайся, время есть.

– Отвернись, – попросила Антия, встряхивая одежду и сбрасывая с ног туфельки. Верн рассмеялся.

– Здесь темно, если ты не заметила. Я тебя не вижу.

«Совы видят в темноте», – подумала Антия, но ничего не сказала. Быстро натянув штаны, похожие на те, что были в ее гардеробе, Антия стянула платье – Верн положил в ее руку тонкую рубашку. Последними были ботинки. Антия присела на ступеньку, чтобы зашнуровать их, и вдруг испугалась, что не сможет подняться.

– Верн? – тихонько окликнула она.

– Я здесь, – спокойно ответил Верн. – Ты стрелять умеешь?

– Нет.

– Тогда пистолет беру себе.

Он помог ей подняться, и они продолжили спуск. Антия по-прежнему считала ступеньки – просто для того, чтобы не кричать от страха, не думать о том, что она во тьме и стала тьмой.

Постепенно в воздухе поплыл запах соли. Спустившись еще на сотню ступеней, Антия поняла, что видит впереди белые силуэты девушек, и нет, это ей не мерещится. Вот проступают огненные кудри Генты, вот Бейла махнула рукой по лицу, стирая слезы, вот Стелли...

Подземелье с каждым шагом становилось все светлее. Теперь его наполнял новый звук – то ли распевался огромный хор, то ли стонали грешники. По спине бежали мурашки, тело охватывало какой-то липкой жутью. Антия видела розовый мрамор облицовки, видела свои руки и ноги, и да, это в самом деле оказались ее штаны! Еще несколько шагов и...

Бейла закричала так, словно с нее живой сдирали кожу. Впереди разлился белый густой туман – девичьи фигурки рухнули в него, и Антия, чувствуя, как ступени уходят из-под ног, заорала во весь голос.

Она падала в туман, захлебываясь молочной прохладой и видя...

«Я сплю», – отчаянно подумала Антия, прекрасно зная, что не спит. Прямо под ней показалась такая же пирамида Ауйле, и Ардион, стоя на верхней площадке, раскинул руки, словно хотел обнять Антию после долгой разлуки. Рядом с ним застыли женщины – сверкающие черные маски закрывали их глаза, но Антия знала, что они прекрасно видят двенадцать девушек, падающих из облаков. Вот они одинаковыми движениями сдвинули маски, и их глазницы налились бледно-голубым светом.

«Когда Солнечный Кормчий сбросит демонов с неба...»

Бейла визжала, как козленок на бойне. Над пальцами Ардиона растеклось алое сияние, и Бейла, которая махала руками в поисках опоры, вдруг замерла. Антия увидела, как серые пятна расползаются по ее коже, как волосы, вздыблен-

ные ветром, застывают аккуратными темными волнами, как статуя девушки в легком платье валится на пирамиду рядом с Ардионом и женщины в масках оттаскивают ее в сторону.

«Окаменела», – мелькнуло в голове, и Антия поняла, что уже не падает, а летит. Внизу мелькнуло зеленое кудрявое полотно – деревья тянули ветви, чтобы схватить ее, но Верн, который успел обернуться филином, уносил Антию в сторону от пирамиды и каменеющих девушек.

«Мамочка...» – всхлипнула Антия, и ее снова окутало тьмой. Последним, что она увидела, было лицо Ардиона – острое, некрасивое, побелевшее от гнева.

III

Каменные девы

Отправляя избранных дев в пирамиду, жрецы понимали, чем это закончится. За тысячи лет они узнали все секреты подземелий. Некоторые из них, самые могущественные, смогли даже заглянуть туда, где открывался новый мир, и посмотреть на его тайны.

Чего ни сделаешь, чтобы твоя собственная земля наконец-то обрела равновесие и устояла, не рухнув в океан. Великого Кита надо успокоить, спасти миллионы жизней – что рядом с этим какие-то девчонки?

Подхватив Антию лапой за предплечье, Верн работал крыльями. Немного к западу от пирамиды – и начнутся леса, густые и дикие. В лесах есть тропинки и еще остались те, кого Верн мог назвать друзьями. К ним и полетели.

Верн любил свое птичье зрение хотя бы потому, что мог спокойно смотреть двумя глазами. Он увидел Ардиона – образ брата в торжественном облачении отпечатался в его мозгу яркой картинкой. Вот владыка стоит, обращая девушек в камень, и вдруг понимает, что одна из них уносится в сторону, крича во все горло.

Верн гневно стукнул Антию клювом по голове, и она умолкла. Он даже удивился: не перестарался ли? Вроде бы

нет, девчонка дышала, дергала ногами, словно пыталась бежать, стонала от боли и страха, но больше не вопила, и на том спасибо. Ардион смотрел им вслед и не мог пошевелиться: то ли остолбенел от непередаваемой чужой наглости, то ли испугался, увидев брата.

Будешь тут бояться. Король, которого он изгнал, вернулся за своей короной. Зачем бы еще Верну прилетать туда, где его готовы убить?

«Подожди, брат, – попросил Верн. Лететь становилось все труднее: Антия была тоненькой, как сливовая ветка, но не тогда, когда ее надо было нести в когтях. – Подожди еще немного».

Он прекрасно знал, что будет потом. Отряд каменных дев, который дежурит возле пирамиды, бросится в погоню. Жрицы поведут его, ориентируясь не по запаху Верна и Антии, а по едва уловимым изменениям в магическом поле. Если Ардион даст команду на уничтожение, то каменные девы попросту разорвут тех, на кого им укажут.

Интересно, захочет ли брат поговорить? Спросить о чем-нибудь? Или просто придет посмотреть на кровавые ошметки в траве? Или даже не придет?

Его знобило. Мысли так и прыгали в голове.

Когда облака разошлись, выпуская Солнечного Кормчего, Верн как раз начал снижаться. Отец выступил перед ним в ужасающей красоте и величии. Вечно молодой – его золотых волос не касалась седина, лицо несколько не изменилось с

того дня, когда корона легла на голову Верна. Вечно сильный – иногда во сне Верн видел его серебряные доспехи и тяжелые алые складки плаща. Вечно правящий миром, сокрушающий демонов, отделяющий добро от зла одним ударом меча.

– Отец, – только и смог прошептать Верн. Слово сорвалось хриплым клекотом, он шарахнулся в сторону, и солнечные лучи окатили его сверкающей волной, сбрасывая на землю.

Солнечный Кормчий сделал свое дело. Он в очередной раз посрамил тьму.

Верн прокатился по траве, принимая человеческий облик. Антия обмякла на земле и не шевелилась. Солнечный луч копьем ударил в землю, и Верн увидел себя будто бы со стороны – маленький, с металлической рукой, с закрытым повязкой глазом, он был похож на бракованную игрушку.

Создатель смотрел, размышляя, что бы с ним сделать. Разобрать на детали и лоскуты или все-таки пустить в мир?

Верн не мог отвести взгляда от отца – всегда спокойного, всегда равнодушного, – и в голове не оставалось ни единой мысли. Он и сам не понял, как у него хватило сил прошептать:

– Отпусти нас...

«Отпусти нас, – сбивчиво думал он, глядя в глаза отца и понимая, что никогда не мог до него достучаться. Ни тогда, ни теперь. – Отпусти нас, мы уйдем, мы никогда не вернемся,

просто дай нам уйти».

Кажется, ему никогда не было настолько тоскливо и страшно.

Несколько мгновений солнечный луч еще озарял его, а затем набежали облака, и задул ветер – сильный, подгоняющий в дорогу. Солнечный Кормчий вернулся в ладью и поплыл дальше, оставив бракованную игрушку на земле.

Верн поверить не мог, что их отпускают, – но им милостию разрешили идти. Отец, который ненавидел своих детей и мог испепелить Верна и Антию одним движением руки, отошел в сторону, чтобы смотреть, как Ардион будет делать то, что должен.

Не чувствуя под собой земли, Верн поднялся и поковылял в сторону Антии.

Надо было спешить.

Трава была мягкой, со всех сторон поднимался запах спелой земляники, и Антия подумала, что могла бы так лежать целый день. Просто лежать и дышать воздухом чужого лета, а не бежать, спасаясь от взгляда Ардиона и его спутниц.

Неужели это так много?

В следующий миг она уже продиралась через заросли:

Верн тащил ее за руку, Антия спотыкалась и лишь каким-то чудом умудрялась не упасть.

Все девушки, которые уходили в пирамиду, превращались в статуи в новом мире, теперь Антия в этом убедилась. И вот ей удалось сбежать от Ардиона и его помощниц.

«Я жива», – только и смогла подумать она. Верн вырвался из зарослей на широкую тропу, и бежать стало легче. Антия смотрела по сторонам – обычный лес, темный, хмурый. И где-то наверху, за облаками, лежит вход в ее мир, и дядя Бриннен меряет шагами комнату, не зная, жива ли Антия, или уже нет.

Ей казалось, что она чувствует его надежду.

Антия обернулась. Тропа за их спинами резко уходила влево, погони не было, но Верн неся так, словно за ним бежала целая армия.

– Подожди... – выдохнула Антия.

– Некогда, – бросил Верн через плечо. – Ардион отправил за нами своих гончих.

Это прозвучало настолько пронзительно и страшно, что Антия прибавила скорости. Несколько раз ей под ноги подворачивались узловатые корни – она умудрялась перепрыгивать их. День был хмурым, низкие тучи готовились заморозить дождем. Было бы неплохо: дождь – лучший друг беглецов, он смывает все следы.

Солнечный Кормчий сбросил демонов и спрятал лицо.

– Куда мы? – выдохнула Антия. Верн свернул на едва за-

метную тропу, и они побежали среди деревьев. Краем уха Антия уловила птичий свист. Птицы вели свою спокойную жизнь, в которой не было ни Великих Китов, ни каменных дев, ни ступеней в пирамиде.

– Нас ищут. Надо спрятаться.

Их забег закончился тем, что земля под Антией вдруг заскользила куда-то вниз, и Антия с воплем полетела в яму. Мелькнуло что-то заостренное, покрытое черным; умудрившись не зацепиться, Антия ударилась боком о землю и взвыла от боли. Хлопнули крылья, филин опустился рядом, и уже человеческая рука схватила Антию за плечо и повернула к светлomu провалу среди тьмы.

– Жива?

– Жива, – выдохнула Антия. – Это волчья яма?

Верн огляделся, пнул деревяшку, сваливая ее на землю.

– Она самая. Тебя не задело?

– Нет.

Оборотень повел плечами, и над ним начало было разливаться знакомое свечение, но он вдруг дернул головой и толкнул Антию в тень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.